

В. К. Церлюкевич (Гродно)

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

Категория залога русского глагола была и остается до настоящего времени предметом пристального внимания лингвистов. Но до сих пор в лингвистическом описании данного языкового явления «много спорного и запущенного» [1, с. 243]. На наш взгляд, проблемы адекватного лингвистического отражения конкретных языковых фактов не могут быть решены без разработки самых общих вопросов теории языка. Один из таких вопросов – сущностное соотношение языковых структур в рамках грамматической категории, рассмотренных как с формальной, так и с функциональной стороны, и их отношение к объективной действительности.

Традиционно считается, что «действительные и страдательные обороты отражают одни и те же отношения внеязыковой действительности – отношения действия к субъекту и объекту – и являются синонимичными» [2, с. 156; 3, с. 613]. Но в чем же тогда смысл существования в языке двух синонимичных структур в рамках одной грамматической категории?

Так, в частности И. А. Перельмутер, рассматривая высказывания *Мастер затачивает инструмент* и *Инструмент затачивается мастером*, говорит о том, что «в плане внеязыковой семантики оба высказывания вполне тождественны друг другу, они отражают одну и ту же реальную ситуацию. С другой стороны, невозможно определить залоговое различие между двумя приведенными конструкциями, опираясь только на данные языковой формы и полностью игнорируя смысл» [4, с. 11].

Последнее замечание, на наш взгляд, абсолютно корректно. Залоговое различие как различие грамматическое должно быть, прежде всего, различием смысловым. Но что же предлагает автор? По его мнению, «различие между приведенными высказываниями в плане залогового значения заключается только в том, что в первом из них подлежащее соответствует субъекту действия, но не соответствует объекту действия, а во втором – подлежащее соответствует объекту действия, но не соответствует субъекту действия» [4, с. 11]. Но такая трактовка данного явления принципиально не отличается от традиционной.

Обратимся к утверждению о том, что «в плане внеязыковой семантики оба высказывания вполне тождественны друг другу, они отражают одну и ту же реальную ситуацию».

Во-первых, что может или должно означать словосочетание «внеязыковая семантика»? Насколько это сочетание отвечает требованиям научного термина, т. е. насколько оно системно? Что еще может быть кроме «внеязыковой семантики»? Можно ли говорить о существовании «внеязыковой лексики», «внеязыковой грамматики» и т. д.? Очевидно, что нет.

Во-вторых, как следует понимать фразу «оба высказывания вполне тождественны друг другу»? Если представить себе, как один и тот же человек, преследующий одни и те же свои интересы, в конкретной ситуации, произнес *«Мастер затачивает инструмент»*, а мог бы сказать *«Инструмент затачивается мастером»*, то это, действительно, не более как синонимичные варианты. Но мы говорим о грамматической категории и ее составляющих. И у нас получается, что различия в смыслах никакого, а различие в грамматическом значении есть.

На наш взгляд, семантическая тождественность высказываний не может определяться общей «внеязыковой семантикой», но только одинаковым отношением некоторого количества людей к происходящему. Одна и та же «внеязыковая ситуация» может только предполагать одинаковость ее понимания, но «навязать» эту одинаковость она не может. Поэтому и представление о том, что семантические структуры этих разных по залоговому значению предложений одинаковы на основании общности внеязыковой ситуации, не корректно.

Что же на самом деле отражает язык: объективную действительность или только отношение к ней? Во всех случаях нам хочется сказать: только отношение к ней. Язык «не фотографирует» объективную действительность. Главная функция языка – когнитивная. За одной и той же фразой, якобы отражающей одну и ту же ситуацию, каждый человек может «скрывать» свой собственный интерес.

Одну и ту же ситуацию действительно можно передать фразами *«Мастер затачивает инструмент»* и *«Инструмент затачивается мастером»*. Но этим вовсе не исчерпывается возможная речевая реакция на наблюдаемую картину. С таким же успехом можно сказать, что *«Мастер заканчивает работу над инструментом»*, ибо в

определенных условиях затачивание инструмента есть последняя фаза его изготовления.

Объяснение семантической сущности классического трехчленного страдательного оборота (*Инструмент затачивается мастером*) в рамках объявленной грамматической категории залога вовсе не должно совпадать с объяснением семантической сущности действительного оборота (*Мастер затачивает инструмент*). Разные языковые структуры, входящие в одну и ту же грамматическую категорию, принципиально не могут быть синонимичны.

Как только мы получаем информацию от двух разных людей, в разной грамматической форме выразивших якобы одно и то же, мы вполне объективно можем предполагать, что тому, кто сказал «*Мастер затачивает инструмент*» нужен был по каким-либо причинам сам мастер, а тот оказался занят. А тому, кто произнес «*Инструмент затачивается мастером*», нужен был его (клиента) инструмент, который вот-вот будет готов.

Препарирование грамматической и семантической структур в одних и тех же языковых единицах – вещь возможная для отвлеченных научных лингвистических построений, но совершенно невозможная для объективной оценки существования языковых единиц, ибо в них самих грамматическая и семантическая структуры не существуют отдельно и изолированно друг от друга.

Поэтому сама идея того, что грамматическая и семантическая структуры предложений (как, впрочем, и других единиц) объективно могут не совпадать [3, с. 124], иллюзорна и говорит не о проблемах языка, а о несовершенстве нашего о нем представления.

1. Тихонов, А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии / А. Н. Тихонов. – М., 1998.

2. Ушакова, Л. И. Современный русский язык: Морфология / Л. И. Ушакова. – Белгород, 1999.

3. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М., 1980. – Т. 1: Фонетика – Морфология.

4. Перельмутер, И. А. Семантическое определение залога / И. А. Перельмутер // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 10–20.

5. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М., 1982. – Т. 2: Синтаксис.